

Булат
Окуджава

ФРОНТ

**ПРИХОДИТ
К НАМ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
**«ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА»**

МОСКВА

1967

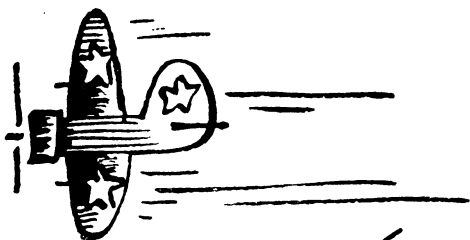

ФРОНТ

Булат

Окуджава

ПРИХОДИТ К НАМ

повесть

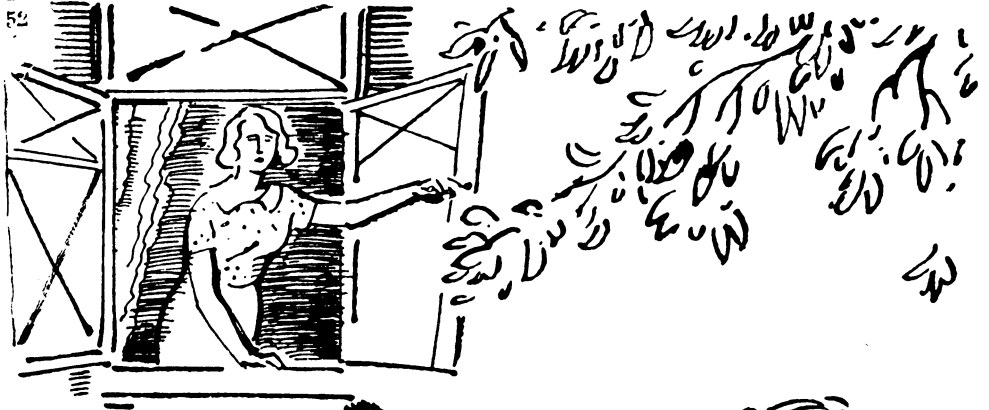

Рисунки

А. Иткина

Издательство
"Детская
литература"
Москва · 1967

P2
052

Глава первая о том, как всё началось

Мы живём в Январске уже вторую неделю. Январск — это город. Небольшой. На карте его найти очень нелегко. Но вы можете попробовать поискать.

Мой папа пограничник, майор. Как только началась война, он, конечно, принялся воевать, а мы с мамой сидим здесь. И дёрнула же нас нелёгкая ехать в этот Январск перед самой войной. Мама говорила: «Это моя родина. И хотя там никого из близких нет, но мы, Гена, снимем с тобой комнатку и поживём, а там и папа в отпуск к нам приедет...»

Вот и приехали! Теперь папа воюет, а я брожу по улицам, а мама втихомолку плачет и ходит молчаливая, и лицо у неё пожелтело.

Хорошо, что есть Женька Ночкин. Ему тоже десять лет. Он москвич. Приехал сюда к дяде на каникулы и застрял. Хорошо ещё, что есть Женька.

Женька рыжий, в белом воротничке, хотя жарница, но товарищ он очень хороший. Я такие стихи написал о нём:

Женька, Женька Ночкин,
С головой, как рыжий ёж,
Даже среди ночи
Ни за что не пропадёшь.
Женька, Женька Ночкин,
Всё равно какой...

.....
Ты товарищ мой.

Одна строчка так у меня и не получилась. Но стихи были хорошие. Правда, Женьке я их не читал.

В первый же день знакомства Женька меня спросил, нравится ли мне война.

Я сразу представил маму. Вот она ходит по комнате из угла в угол и молчит, и думает, и снова молчит. Я однажды сказал ей, что вот, наверно, здорово сейчас по степям конница Будённого мчится. А она так на меня посмотрела, так посмотрела, что мне захотелось на улицу. И она сказала:

— Глупый ты, Генка. Какая там конница! Наши отступают.

— А Будённый-то где? — спросил я.

Она отвернулась и поднесла к лицу скомканный платок.

А потом пришла к нам молочница и сказала, что молоко будет продавать по десять рублей.

— Хотите берите — хотите нет.

А мама посмотрела ей вслед и сказала тихо:

— Проклятая война...

Вот этого я никак понять не могу. Пушки гремят, фашисты бегут, красноармейцы наступают. Я же видел это в кино. Очень была хорошая картина. Называлась «Неустрасимые»...

Мы с Женькой целые дни толчёмся около военкомата.

— Одного бы фашиста увидеть ну хоть краешком глаза, ну хоть в щёлочку, — говорит Женька. — А ещё лучше — на фронт бы попасть.

— Мне что-то не очень война нравится, — говорю я, — мама плачет, молоко десять рублей стоит, папа писем не шлёт.

Женька смотрит на меня с удивлением.

— Ты хнычешь, совсем как девчонка. Если мы будем хныкать, кто же будет воевать?

Я вижу: идёт с рынка моя мама. Она всё думает, думает и молчит. А навстречу маршируют красноармейцы. Они тоже молчат. Жарко, пыльно. Что-то застилает мне глаза. Женька говорит:

— Давай, Генка, шпиона поймаем! Их сейчас сколько хочешь.

— А ты откуда знаешь?

— Знаю. Шпиона сразу узнать можно: идёт и оглядывается, и лицо у него от страха жёлтое.

— Видишь? — шепчет Женька и толкает меня в бок.

У шпиона серый костюм и на локтях большие латки.

Шпион достаёт платок и вытирает лицо. Он останавливается у витрины. Там — колбасы, ветчина, красные головки сыра. Всё настоящее.

Шпион оборачивается.

— Ты что это, Женька, в такую жару по городу ходишь? Шёл бы в сад, на траве полежал бы.

Это Женькин дядя. Он зубной врач.

Женька живёт в большом докторском доме за высоким забором. В доме много комнат. Ставни закрыты. Мебель под чехлами.

— Ты смотри на стул не сядь, — говорит Женька, — стулья здесь для красоты.

Мы идём в сад и устраиваемся на траве.

— Опротивел мне этот дом, — говорит Женька. — Ну и история!

В саду прохладно. Мне грустно.

— Отправили меня сюда, и война без меня пройдёт, — продолжает Женька, — и ничего не поделаешь. А я бы маршалом хотел быть.

Он говорит об этом так, словно стать маршалом — это козу Машку за хвост потянуть. Но тут же поясняет:

— Я с рядового начну. Начну и пойду, пойду, пойду...

По щеке моей ползёт букашка и щекочет.

Я говорю:

— Мне маму жалко. Я вот возьму и проберусь на фронт, разыщу отца...

— Ты фантазёр, — говорит Женька, — этим маме не можешь. Нужно идти в Красную Армию.

— Да, — говорю я и иду домой.

У мамы жёлтое лицо, синяки под глазами... А ведь она раньше была такая красивая, такая красивая...

— Видел почтальона, Гена? — спрашивает она.

Я киваю. Она отворачивается.

Я проклиная почтальонов.

Мы молча едим пшённую кашу.

— Ну как, — спрашивает мама, — ничего без молока?

И пробует улыбаться.

— Очень вкусная каша, — говорю я, — замечательная.

Я проклиная молочницу. И вообще, как хорошо было бы безо всякой еды. Выдумать бы такие пилюли: проглотил одну — и целый месяц есть не хочется.

...А писем всё нет и нет.

Женька говорит:

— Ты не грусти. Что-нибудь придумаем...

Я верю: он на этот счёт мастер.

Женькин план замечательно прост. Мы сами напишем письмо, так, словно это мой отец написал.

— Это чепуха — до чего просто, — говорит Женька, — я знаю, что с войны пишут.

Женька диктует. Я начинаю писать. Женька через плечо смотрит на бумагу.

— Эх, Гена, Гена... — вздыхает он. — Разве взрослые так пишут?

И он пишет такое письмо:

«Здравствуйте, Ольга Андреевна и Гена!

Шлю вам горячий командирский привет из самого яростного сражения. Мы мчимся по степи на лихих скакунах и стреляем. Кругом рвутся снаряды. Кровь течёт ручьями. Я скачу рядом с Будённым...»

Я перечитал написанное. Почерк у Женьки совсем как у взрослых. Я представил отца. У него добрые глаза, а на лбу складка, как шрам.

— Что бы ещё написать? — спрашивает Женька.

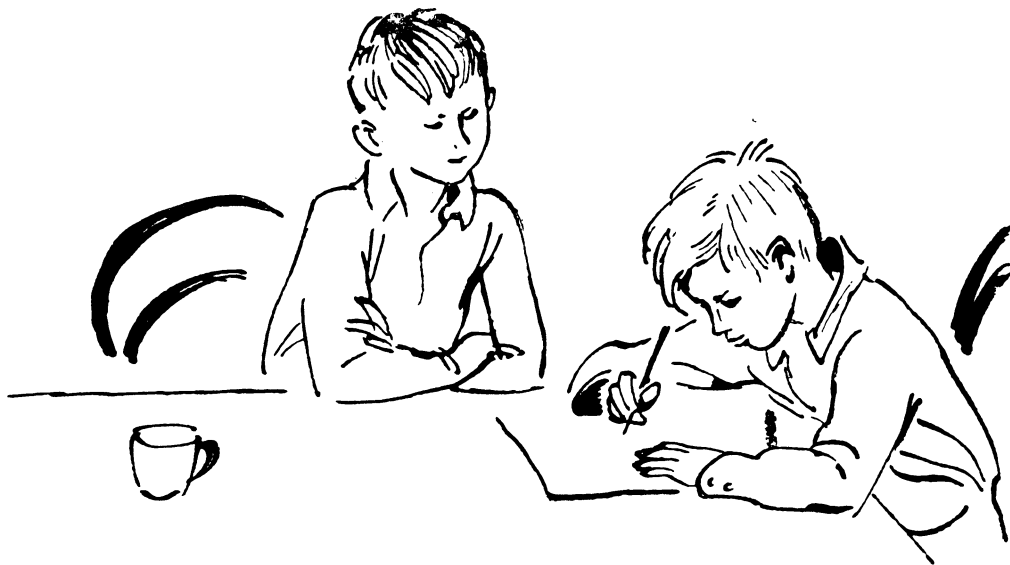
— Нужно ещё, чтобы мама не волновалась, — подсказываю я.

Женька высовывает кончик языка, и карандаш, подпрыгивая, бежит по бумаге.

«За меня не волнуйтесь. Фашистские пули нам не страшны...»

Он думает, морщит лоб и добавляет:

«Гену и Женю, его друга, нужно срочно отправить на фронт, к нам на подкрепление...»

Я говорю:

— Теперь нужно «целую и обнимаю».

Женька смеётся.

— С фронта? Целую и обнимаю! Идёт бой, Гена, какие могут быть поцелуйчики?

А я вспоминаю отца. Он часто целовал меня. Впрочем, Женька, конечно, прав: какие могут быть поцелуйчики!

Глава вторая о том, как мы с Женькой чуть было не стали маршалами

Спите спокойно, добрые жители Январска. Когда-нибудь вы узнаете о людях, прославивших вас, о событиях, которые начались вот здесь, на этих тихих улицах, поросших подорожником и ромашкой. Когда-нибудь вы вспомните добрым словом Женьку Ночкина и Генку Полунина — самых рядовых из рядовых мальчишек, будущих маршалов и героев.

Когда просыпаешься, но ещё не проснулся, в голове рождаются самые умные мысли. Если бы изобрести такую машинку, которая всё это записывала бы, уже давно можно было бы прославиться.

Но Женька только посмеивается.

— Ты — фантазёр. Пока изобретут такую штуку — жизнь пройдёт. Нечего выдумывать. Мы должны стать маршалами. Я в этом уверен. Я даже точно могу сказать тебе, когда это случится. Мы идём в армию. Прошло два года. Раз — мы младшие сержанты. Прошло ещё два года. Раз — мы сержанты... Считай всё по два года... Через тридцать лет мы — маршалы.

— Здорово. А если убьют?

— Не убьют...

— А если нас не возьмут сейчас?

— Чудак! Какой же им расчёт не брать нас? Если мы в день будем хлопать только по одному фашисту, и то за год получится семьсот штук, а за десять лет — дивизия... Здорово?

Я не умею спорить с Женькой. Он всё знает, всё умеет, у него сразу готовы доказательства.

Я не могу не верить ему, и всё-таки мне грустно. Женька станет маршалом раньше. Пока я буду изобретать свою

глупую машинку для записывания мыслей, он добьётся своего. А может быть, и машинку он изобретёт раньше меня, потому что он знает секрет. Он сказал:

— Это тоже очень просто. Я уже знаю, как её сделать, только у меня нет нужных инструментов.

— А какие инструменты нужны, Женька?

— О, это очень редкий инструмент. Он называется дрель. Слышал ты? Его берут вот так, нажимают кнопку и раз... раз...

Где бы достать эту дрель?

Но Женька держит твёрдый курс.

— Машинка — ерунда. Хочешь быть маршалом?

— Хочу, — говорю я печально.

— Тогда завтра с утра в военкомат.

Я видел маршалов на портретах — умные, мужественные лица и звёзды в петличках. Но почему-то, когда Женька говорит о маршалах, мне представляются шляпы с перьями, ботфорты и плащи, и шпаги, и гнедые арабские скакуны...

Ночью сон долго не приходил ко мне. Где-то звучал оркестр. Провожали войска. Я думал, как сам буду шагать по улицам, не глядя на плачущих женщин, а потом стану маршалом и въеду в город Январск на гнедом скакуне. И снова будет играть оркестр, и никто уже не будет плакать. Я думал обо всём этом. А за окнами плыла ночь. Играл оркестр. Где-то, наверно, плакали. И я сочинил такие стихи:

.
С победой пройдут все бои,
И встанут геройские маршалы
Пред светлые очи твои.

Первая строчка не получалась. Но утром я прочёл стихи Женьке.

Женька закричал даже:

— Ты великий поэт! — И он громко и нараспев прочёл:

И встанут геройские маршалы
Пред светлые очи твои!

Здорово! Это будет наш гимн. Ты его только подлинней сделай... И потом, это... тебе совсем не нужно быть маршалом. Ты будешь великим поэтом, и мы всегда будем дружить с тобой.

Мне стало грустно.

Женька сказал:

— Я бы никогда так не смог.

И встанут геройские маршалы

Пред светлые очи твои.

Один раз попробовал, и ничего не вышло. Всё умею, а стихи не получаются.

Он подумал и спросил:

— А что это за светлые очи?

— Так всегда говорят в стихах, — сказал я. — Это даже объяснить нельзя... очи и очи.

— Светлые очи... — повторил Женька, — красиво.

В военкомате нас почему-то никто не хотел выслушать. По коридорам сновали люди. Хлопали двери, и крепко пахло махоркой. Во всех комнатах трудно было протолкнуться, и только в последней за столом сидел лейтенант, а больше никого не было.

Мы стояли на пороге. Мы не знали, с чего начинать.

— Ну, что вам, пацаны? — устало спросил лейтенант.

Он отложил книгу, которую читал, и смотрел на нас, нахмурившись.

Я понял, что ещё миг — и всё провалится. Тогда Женька подошёл к столу, сел напротив лейтенанта и сказал так:

— Вы, конечно, понимаете, что пришли мы неспроста...

Лейтенант подобрел.

— Шпиона поймали? — спросил он.

— Нам нужно срочно записаться в Красную Армию, — сказал Женька, — потому что...

— Всё ясно, — сказал лейтенант, и по лицу его я понял, что он говорит серьёзно. — Сейчас посмотрим, куда вас можно определить, — сказал он и углубился в книжку.

— Беда, маршальские должности у нас все заняты... — медленно проговорил он, — генеральские... генералами пойдёте?

— Пойдём, — хором ответили мы с Женькой.

— Ах, досада, — сказал лейтенант, полистав книжку, — и генеральских нет. Только вот одно место полковника и одно подполковника осталось...

— Я согласен полковником! — выпалил Женька.

Лицо лейтенанта было серьёзным. Значит, не шутит.

— А справитесь, ребятки?

— Ну конечно! — заверили мы хором.

Лейтенант взял лист бумаги, спросил у Женьки имя и фамилию и написал так:

Настоящим удостоверяется, что Евгений Ночкин является полковником Красного героического мальчишечьего воинства и имеет право носить серебряную саблю и бинокль, добытые в жестоком бою с врагами Родины.

Лейтенант Безруков

То же самое было выдано мне, только я стал подполковником.

Женька сильно покраснел и долго читал удостоверение, шевеля губами. Я тоже читал.

— А наган? — спросил Женька.

— А наган — это само собой разумеется, об этом писать и не нужно, — пояснил лейтенант. — А теперь начинается главное. Теперь мы вас будем проверять самыми удивительными способами.

И он ушёл из комнаты.

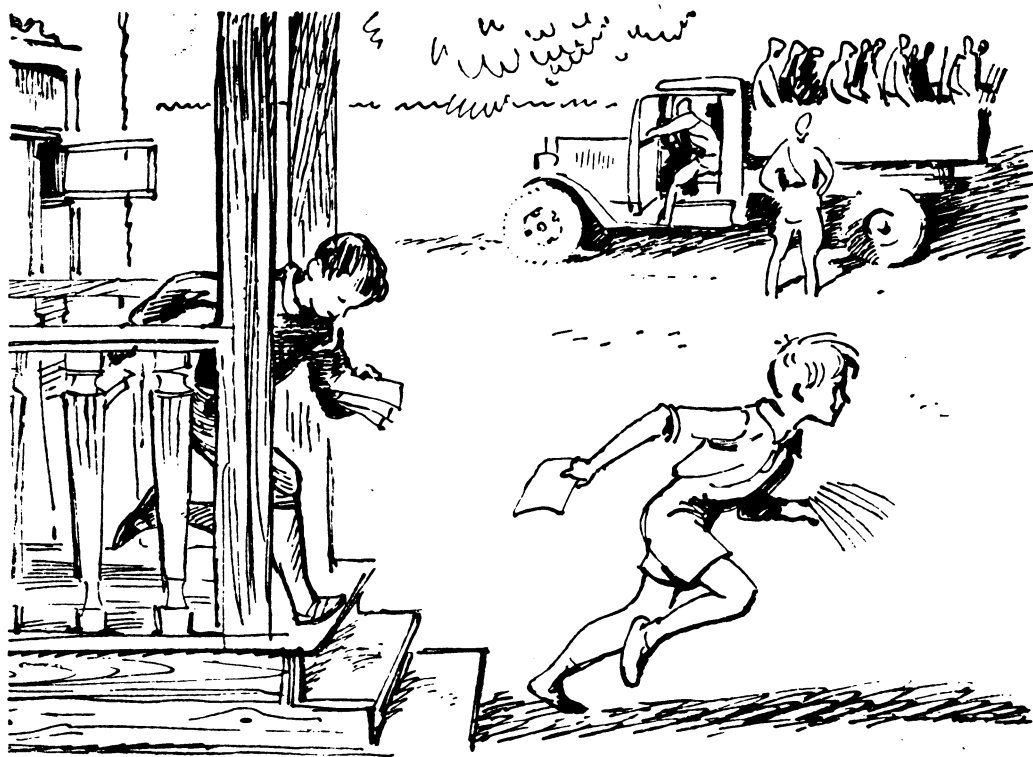

Сердце моё билось. Женька ударил меня по плечу.

— Ну, Генка, теперь всё ясно. Теперь мы помчимся на фронт и будем отбивать у врага серебряные сабли. Вот увидишь! Или поручат нам взять в плен немецкого генерала, или взорвать штаб...

Лейтенант вернулся. В руке он держал пачку ровных квадратных листков. Он разделил пачку и дал каждому из нас по половине.

— Так вот, товарищи командиры, — сказал он, — первое задание будет таким: эти повестки в максимально сжатые сроки нужно доставить по адресам. Готовы ли вы выполнить это ответственное задание?

— Готовы, — грустно проговорил я.

— Так точно! — крикнул Женька.

На улице Женька сказал мне:

— Ты не горюй, Генка. Так всегда проверяют. Будто бы пустячок поручили. Другой подумает: что́, мол, с таким пустячком мучиться, да и выполнит как-нибудь. А эти, которые поручили, они смотрят: пустячок плохо выполнил? Плохо. А как же ему серьёзное доверять? Вот увидишь, следующее задание будет такое, что держись... Я знаю.

Уже стемнело, когда мы вернулись к моему дому. В комнате горела лампа. Мы подобрались к окну. Мама читала письмо и плакала.

— От папы письмо? — крикнул я.

Она вытерла слёзы, улыбнулась и кивнула мне.

Мы влетели в комнату.

— Что он пишет? — спросил я.

Мама развернула письмо.

— Пишет, что скачет с Будённым по степям, стреляет, а кругом кровь течёт рекой...

Я тотчас всё понял.

— Молодец твой папа, — сказал Женька, — с самим Будённым рядом скачет.

— Только вот одного не могу понять, — сказала мама, — почему это он меня по имени-отчеству называет и почему так много ошибок в письме сделал?

У меня горели уши, и я смотрел в окно.

А Женька сказал:

— Там такое сражение, что он, наверно, все правила грамматики позабыл.

...Мы сидим во дворе. А в окно видно, как мама плачет. Она нас не видит, а мы её видим. Вот она платок к глазам подносит.

Женька молчит и сопит.

Зачем мы только это письмо написали!

*Глава третья о том,
как трудно всё-таки
быть самостоятельным*

Уже неделю я живу без мамы в доме Женькиного дяди, зубного врача. На воротах его дома одна под другой надписи:

Мы с Женькой спим на раскладушке на веранде. Ложимся «валетом».

Как это всё получилось?

Вдруг пришло известие, что мой папа тяжело ранен. Он где-то далеко в госпитале. И мама сказала мне:

— Женин дядя знал меня ещё девчонкой. Он согласен, чтобы ты недели две прожил у них. Ты их слушайся, Геночка, слушайся, пожалуйста... Ты же видишь, что делается кругом.

И слёзы текли по её лицу.

Конечно, она волновалась за папу.

Женька, когда узнал, что папу ранило, сказал:

— Здрóрово, наверно, было! Такое, наверно, сражение, что пули, наверно, как дождь сыпались.

Вот мы с мамой и попрощались.

Дядя Юра сказал:

— Вы ему скажите, чтобы слушался меня и тётю Аню...

А тётя Аня потрогала свою чёрную бородавку на щеке, похожую на жука, и сказала:

— И чтобы яблоки без спроса не рвал в саду...

И вот мне так не захотелось оставаться! Но я ничего маме не сказал.

А Женька стоял всё время рядом.

— Ничего, — сказал он, — со мной Генка не пропадёт.

И мама уехала.

Дядя Юра с утра надевает серый пиджак с латками и идёт на рынок с корзиной всяких вещей. А потом принимает больных, и они кричат у него в кабинете и ахают.

Во дворе гуляет коза Машка, куры, гуси, в сарае два бора топчутся. И тётя Аня целый день варит им всякую бурду.

А мы с Женькой разносим повестки, и лейтенант Безруков сказал, что ещё чуть-чуть, и всё решится.

По вечерам мы пьём чай и едим хлеб с патокой. Это мировая вещь — патока. Побольше бы её было. Когда кончится война, буду есть только патоку, только с белыми булками, да ещё в чай буду класть пять... шесть кусков сахару. Когда мы пьём чай, дядя Юра читает газету и говорит:

— Ну-ка, ну-ка, поглядим, как тут вояки наши отличаются? Ай-яй-яй... опять город оставили...

И потом спрашивает у меня:

— Что же это твой отец плохо воюет?

Я молчу. А Женька говорит за меня:

— Его отец тяжело ранен.

А мне уже совсем не хочется есть патоку. Но я молчу.

Вечером мы лежим с Женькой на раскладушке и думаем каждый о своём. Вот звезда упала. За стеной пробили часы. В саду деревья шуршат листьями. Женька сопит носом.

«Мама, мамочка... вот лежу я один, твой сын, и думаю о тебе. Вот неделя прошла, и мне без тебя очень трудно. Я не люблю этот дом. Здесь смеются над папой».

Падают звёзды. И у меня получаются такие стихи:

Звёзды сыплются нам в лица,
Мы лежим, и мы молчим.
Почему же нам не спится?..

А четвёртая строчка не вышла. Почему? Почему? Женьке понравились стихи. И он даже продолжение придумал:

— Потому что нас не берут в Красную Армию.

— Это нескладно, — сказал я.

— Зато правильно, — ответил Женька, — завтра пойдём к лейтенанту, и никаких.

— Женька, а если нас обманули? Если нас никуда не возьмут?

— Возьмут.

— А если...

— Тогда мы сами уедем. Сядем в поезд. Доедем до Москвы. Из Москвы на каком-нибудь грузовике — и прямо на фронт. Заедем по пути к твоему отцу. Уж я не растеярюсь.

Падают звёзды. Как много звёзд! Интересно, куда они падают? Почему ни одна во двор не упадёт? Вот бы придумать такую машину, чтобы звёзды притягивала. Повесил звезду под потолком, и она горит, и светло, и за керосином в очереди не стоять.

Как это Женька сказал? «Тогда сами уедем»? Едем, едем — и вот я и маму и папу увижу? Прощай, Январск, прощайте, пыльные улицы, прощай, лейтенант Безруков.

А Женька говорит:

— Вот бы распрощаться с дядькой моим и перед отъездом в буфет, в банку с патокой, мину положить. Как ударила бы — всё вдребезги!

— Хорошо бы, — говорю я, — давай так и сделаем.

— Завтра же, — говорит Женька, — начнём мину делать. Я знаю, как это нужно. Пара пустяков.

С утра мы делаем мину. Женька командует. Мне не обидно. Я всё равно не умею командовать. Я смешиваю уголь

с песком, а Женька набивает этой смесью старую консервную банку. Потом мы прикрепляем к банке два ржавых провода.

— Теперь, — говорит Женька, — остаётся раздобыть капсюль.

Я поднимаю мину.

— Осторожно! — кричит Женька и отскакивает в сторону. — Если провода соединятся — нам крышка!

— Без капсюля?

— А вот и без капсюля... Эта штука капризная.

Мы прячем мину за кусты.

Мы идём в военкомат.

На углу стоят соседки. Я слышу, как одна говорит:

— Вот ведь живут ребята, как у Христа за пазухой. Этот вон, вишь, какой всегда гладкий, с воротничком всегда...

Мы проходим мимо.

— Тебя бы в эту пазуху, — шипит Женька.

Мне очень хочется есть. Я говорю:

— Однажды мама зажарила гуся. Я отрезал вот такой кусок без единой косточки. Мягкий-мягкий, и жир так и капал...

Женька вдруг рассердился.

— Ты перестань о шамовке говорить! Тут и без твоих воспоминаний тошно.

В комнате лейтенанта Безрукова нету. Вместо него сидит капитан с усиками.

— Где лейтенант Безруков? — спрашивает Женька.

— Он на фронте, — отвечает капитан, а потом поднимает голову и видит нас. — Вы кто такие?

У меня сосёт под ложечкой. Всё рушится.

— Мы разносим повестки, — говорит Женька.

— Ну и что же?

— Лейтенант Безруков обещал отправить нас на фронт.

— Ах, обещал... — говорит капитан и таращит глаза. — А если я вас домой отправлю и там вас выпорют?

Женька подходит к столу и говорит:

— Во-первых, вы не имеете права так с нами разговаривать, а во-вторых...

— А во-вторых, — произносит капитан, — убирайтесь отсюда, и чтобы я вас больше не видел.

Мы уходим оплёванные и униженные.

Мне хочется плакать. Я вообще никак не могу отвыкнуть от этой глупой привычки. Чуть что — в слёзы.

Женька говорит:

— Ладно, запомним. Идём, Генка. Теперь у нас одна дорога. Неделю на подготовку — и всё. Ты напиши про это стихи, напиши. Мы их пошлём в газету, и все узнают, как нам было трудно. Идём.

И встанут геройские маршалы

Пред светлые очи твои...

Мы приедем в Январск. Все кругом бегают. Дядя Юра банку с патокой несёт, тётя Аня говорит: «Ешьте хлеба вволю, пожалуйста. Извините меня, дуру, что я вас тогда за

пустяки ругала...» А мы пройдем мимо. Ну-ка, где тут капитан с усами? Капитан прибежит. «Это вы?» — «Так точно, товарищи маршалы!» — «А помните?..» — «Помню, помню, товарищи маршалы». — «Разжаловать и на кухню картошку чистить!» Уж тогда он пожалеет.

В Январске появились эвакуированные. Это очень трудное слово. Сразу не выговоришь. Сначала я думал о них разное, а потом оказалось, что это беженцы.

— Счастливики, — говорил Женька, — видели, как бомбы взрываются.

Они селились кто где, а некоторые не находили себе жилья. И женщины целыми днями бродили по улицам, а за ними волочились дети.

Я видел, как они, усевшись где-нибудь на лавочке или прямо на траве, ели хлеб с луком, или сухари, или ещё что-нибудь.

Дядя Юра сказал вечером:

— Понаехали тут...

А тётя Аня щипнула свою бородавку и сказала:

— Теперь и на улицу не выйдешь — все чужие кругом...

— Какие же они чужие? — удивился Женька. — Они наши...

Но дядя Юра рассердился. И все замолчали.

Патока залепила мне нёбо. Есть не хотелось.

— Генка, — сказал мне Женька на веранде, — Генка, сил больше нет терпеть. Или мы выполним свой план или... или разорвём наши удостоверения и наймёмся к моему дядьке сторожевыми собаками.

— Лучше на фронт, — сказал я.

Мы решили взять с собой противогазные сумки и уложить в них еду. В кладовке висели два противогаза — дяди Юры и тётя Ани.

— За неделю вполне соберёмся, — сказал Женька.

Когда дяди Юры не было дома, а тётя Аня причитала над свиньями, мы тщательно исследовали кладовку. Мы набрали жареной кукурузной крупы, сухарей, взяли большой кусок

солёного сала, который был приготовлен для базара; мы уложили всё это в сумки от противогозлов, а сами противогозлы запрятали за мешок с кукурузой.

Мы спрятали припасы в кустах, рядом с миной.

— Не забыть бы компас, — сказал Женька, — а то на фронте вдруг в разведку идти, а куда идти — неизвестно.

Мы взяли компас со стола дяди Юры. Стрелки в нём не было, но ведь её всегда можно сделать.

Закончили приготовления, вышли на улицу, уселись на бревно напротив ворот и стали совещаться.

По улице шла женщина с кошёлкой в руке, а за ней плелись маленькие мальчик и девочка.

Женщина очень напоминала мою маму. Вот почему я её заметил.

— Эвакуированные, — сказал Женька.

Женщина остановилась возле наших ворот и долго читала про собаку. Потом заглянула в щёлку. Потом снова прочла.

— Вы к нам? — спросил Женька.

И беженцы разом оглянулись на него.

— Ты здесь живёшь, мальчик? — спросила женщина. — А комната у вас не сдаётся?

У неё было очень измученное лицо. Она говорила тихо и просительно, а её маленький сын смотрел то на мать, то на Женьку, приоткрыв рот.

— Это не мой дом, это моего дядьки дом, — сказал Женька, нахмурившись, — комнат свободных у него сколько угодно, но только он не любит эвакуированных, и вообще таких, как он, взрывать надо.

— Что ты, что ты, мальчик! — удивилась женщина. — Я думаю, что нас он пустит... — она беспомощно развела руками, — как же иначе... куда же я с детишками денусь? Ведь правда? Их отец на фронте воюет... Я сейчас сама поговорю с твоим дядей, ты только поддержи собак, хорошо?

— Собак никаких нету, — сказал я.

— Смело идите вперёд, — сказал Женька.

Но тут отворилась калитка, и вышла тётя Аня.

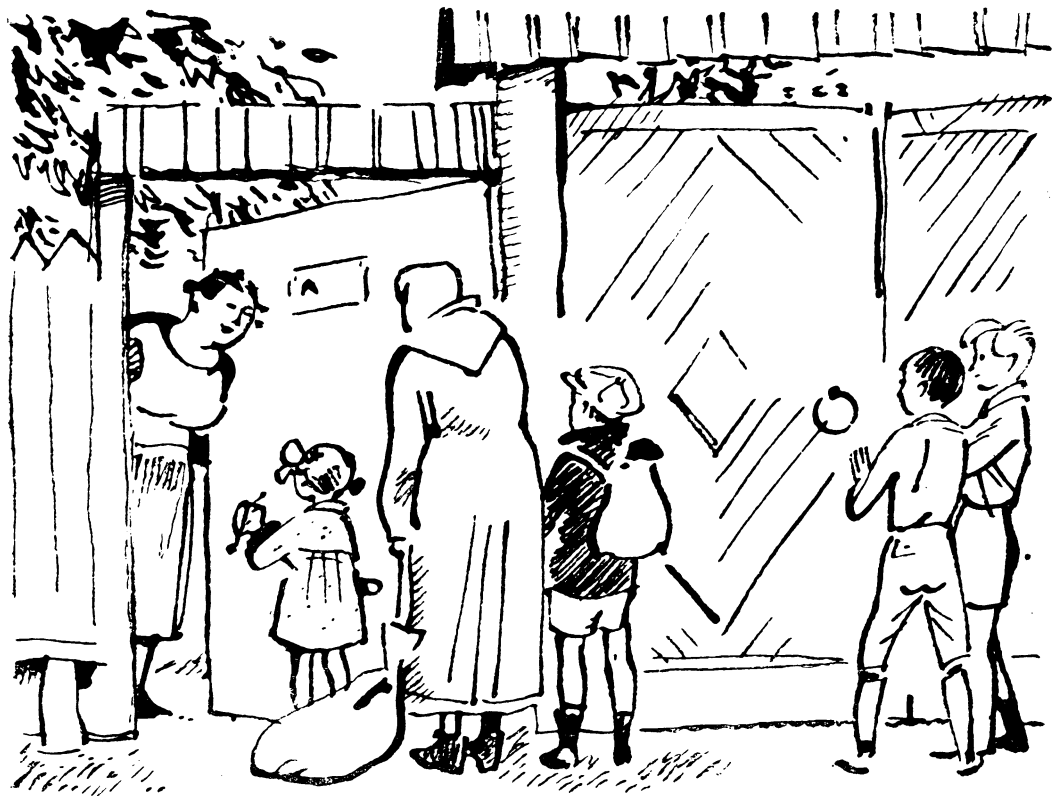
— Пожалуйста, пожалуйста, — сказала она, — доктор принимает. Заходите, пожалуйста.

— Мы не к доктору, — тихо проговорила женщина, — мы ищем комнату... я с детьми... нам очень мало места нужно, мы все трое можем на одном тюфяке уместиться... Видите? Они такие малыши...

Тётя Аня очень удивилась, её бородавка взмахнула волосиками, как крылышками.

— Извините, — проговорила она, — но у нас у самих дети, и мы сами в тесноте мучаемся. Извините.

Калитка захлопнулась.

Женщина пожала плечами, потом вдруг подняла голову и долго вглядывалась в номер нашего дома.

Девочка заплакала.

Женька похлопал мальчика по плечу и сказал:

— Ничего, не расстраивайся. Скоро мы взорвём их.

— Бомбой? — спросил мальчик.

— Миной, — сказал я.

Они пошли по улице, а Женька сказал:

— Всё, Генка. Терпеньё моё лопнуло.

Вечером, когда мы доедали патоку, а дядя Юра подсчитывал, сколько наши сдали городов, кто-то принёс письмо.

— Ну вот, — проговорил он, глядя на Женьку, — твоя мать и забирать тебя не хочет. Пишет, что в Москве очень трудно... А мне что же, легко?

Я увидел, как покраснел Женька. Это он разозлился.

— А твоя мать и писать не думает, — сказал дядя Юра мне, — подкинула сыночка и айда...

Я тоже, наверно, покраснел, потому что лицу стало горячо. И мне представились два провода от мины и как я их свожу...

— Ничего она не подкидывала, — сказал я.

— Нет, подкинула, — сказал дядя Юра.

Мина грохнула, и всё полетело кувырком, и запахло порохом, и от дяди Юры остались рожки да ножки.

— Нет, не подкинула! — крикнул я.

— Нечего с ними церемониться... — откуда-то издалека пискнула тётя Аня.

За дверью что-то хлопнуло. И стало тихо.

— Кто там? — спросил дядя Юра.

Мы увидели, как в комнату вошёл капитан из военкомата — тот самый, с усиками, а за ним знакомая нам женщина с двумя детьми.

— Вы доктор Корольков? — сердито спросил капитан.

Дядя Юра встал и улыбнулся.

— Это жена и дети командира Красной Армии, — сказал

капитан, — предоставьте им комнату с отдельным входом и чтобы никаких поправок и придирок! — И он погрозил пальцем.

— Пожалуйста, — сказал дядя Юра. — Разве я возражаю? Мы должны помогать друг другу.

— Мы вас не будем беспокоить, — устало проговорила женщина, — дети очень тихие.

— Нечего извиняться, — очень сердито сказал капитан женщине, — это мы вас вселяем, мы... — и он повернулся опять к дяде Юре, — и чтобы никаких... понятно?

— Всё понятно, — пропел дядя Юра, — пожалуйста, мы будем очень рады.

Женька толкнул меня в бок. А мне так захотелось обнять капитана, так захотелось... Но я сдержался.

Позже с веранды мы заглянули в окно. На подоконнике горела коптилка. Стоял котелок. Женщина доставала оттуда картофелины, разламывала их и давала малышам и сама ела.

Женька куда-то вдруг исчез. А потом я увидел, как он появился в комнате и протянул женщине кружку с патокой. Она удивилась сначала и стала отказываться. Но Женька бил себя в грудь и что-то шёпотом говорил. Тогда она потрепала его по щеке, взяла кружку и сразу же маленькой ложкой стала давать патоку малышам, и они широко раскрывали рты, как скворчата, и жмурились.

Когда мы легли, я спросил Женьку:

— А что, если мина взорвётся и они погибнут? Как же так, Женька?

Но он успокоил меня:

— Я всё обдумал. Их даже осколочком не заденет.

Утром на двери кладовки висел большой замок.

Женька сказал:

— Больше ждать нельзя, Генка. Сегодня ночью мы отправимся. Ты не боишься?

— Нет, — сказал я.

День тянулся страшно долго.

Глава четвёртая о том, как началось наше путеше- ствие и как оно протекало

Наконец все заснули. Тихо-тихо. Где-то кричит паровоз. Вот только сейчас, когда нужно идти, мне стало страшно. Все спят. Куда мы пойдём?

— Женька, давай сегодня поспим, а завтра ещё раз всё обдумаем, а уж потом, на другую ночь...

Женька встаёт и на меня не смотрит. Он сопит. Он надевает ботинки...

— Если трусишь, — говорит он, — я один пойду.

Я встаю и надеваю ботинки. Мы осторожно выходим во двор. У забора за кустами наши богатства. На листьях роса.

— Хорошо, что успели пальто взять, — говорит Женька.

Пальто лежат здесь же. Мы надеваем их, надеваем сумки.

Луна смотрит на нас. Поблёскивает консервная банка — наша мина. Капсюля нет, кладовка на замке.

Женька бьёт ногой по банке.

— Осторожно, — говорю я, — взорвётся.

Женька снова бьёт ногой по банке.

— Ты фантазёр, — говорит он, — разве может песок взорваться?

Мы идём по улице — по спящей, по росистой. Луна крадёт за нами. Ночью всё может случиться. Вдруг поймают нас патруль. Вдруг вернут нас к дяде Юре. Мы идём быстро. Как только можно. Женька впереди, я за ним. И у меня получают такие стихи:

Прощай, Январск! Прощай, Январск!
Пробил последний час.
Пускай весёлый паровоз
Умчит в сраженья нас.

Я читаю их Женьке. Стихи ему нравятся.

Где-то у самого уха кричит паровоз. И перед нами вырастает вокзал.

— Как же мы без билетов поедем? — спрашиваю я.

Но Женька всё знает. Он говорит:

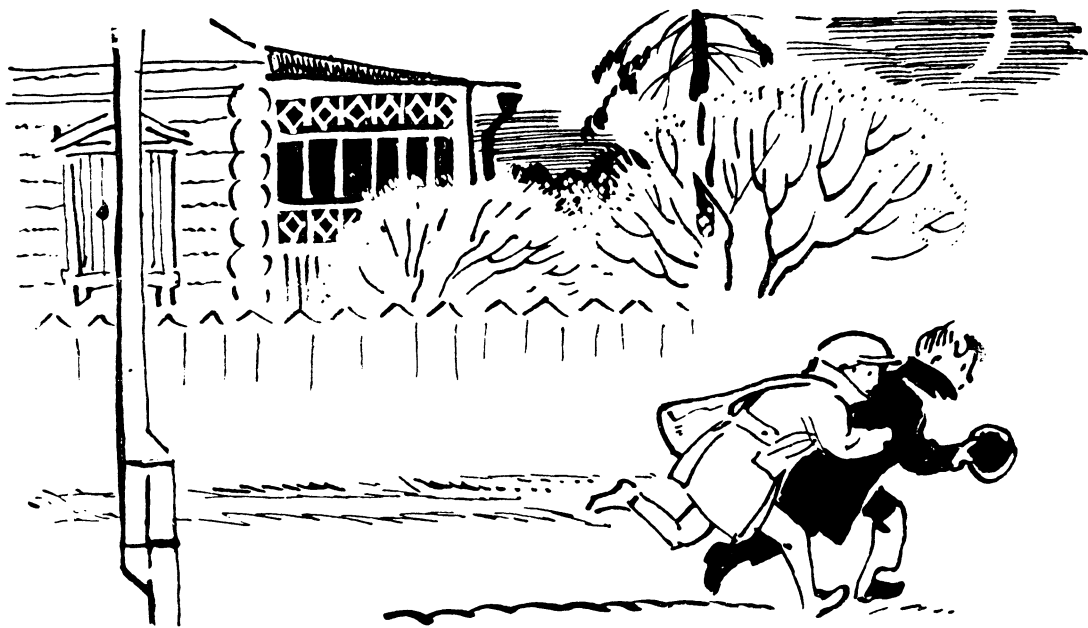
— Какие же билеты во время войны? Когда война, ездят только военные или невоенные по военным делам.

— А мы?

— А мы едем на фронт. Сейчас вот придём, сядем в вагон. Выспимся. Утром проводник крикнет: «Граждане, Москва!» Мы идём по Москве. Я там всех ребят знаю. Котька облизнётся от зависти.

На вокзале свет тусклый, жёлтый. Встать некуда. Лежат люди. Плачет девочка на руках у матери. Кто-то ругается. А мы лезем через мешки, через чемоданы. Нас толкают. А мы лезем, лезем.

— Идём на перрон, — тянет меня Женька, — скорей, а то поезд уйдёт.

На перроне народу ещё больше. Но никто не лежит, все бегают, кричат, толкают друг друга.

— Курский подали! — И толпа бежит в темноту за перрон.

— А где тут на Рязск? — спрашивает кто-то.

И кто-то другой кричит:

— Да что я вам, справочная?

И снова крик:

— Эй, куда бежите-то? Вон где на Курск сажают!

И опять бежит толпа, только в другую сторону. Сыплются крышки от чайников, разбиваются бутылки, плачут дети.

— Хорошо, что мы не дети, — говорит Женька. — Ты, Генка, стой здесь. Сейчас я всё узнаю.

Потом он возвращается и говорит:

— Вот что я узнал. Нам нужно ехать до Курска, а потом пересадка. Сейчас будут сажать.

И опять мимо нас проносится в темноте толпа.

— Бежим! — кричит Женька.

И мы бежим. Мне жарко в пальто. Сумка бьёт по боку. Потом все останавливаются. Все стоят и сопят. Кто-то говорит:

— Ну чего вы, как бешеные! Вон же состав подают.

Ближе, ближе белый глаз паровоза. Тук-тук... колёса.

— Всё, — смеётся Женька, — сейчас поедem. А ты говоришь — билеты.

Мы лезем в вагон. Три ступеньки, а как долго. Каждому хочется первым. Какая-то тётка поставила свою корзинку на ступеньку, и я вот-вот свалюсь.

— Тётя, — говорю я, — вы своей корзинкой меня сейчас столкнёте...

Но она и не думает убирать корзинку, она кричит:

— А что мне, по-твоему, корзину свою выбросить?!

Кто-то толкает меня сзади, и я через эту корзинку влетаю в вагон. Там темно.

— Женька! — кричу я.

Но разве что-нибудь услышишь в такой толкотне?

— Проводник, давай огня! — требует кто-то.

— Женька!

Я пробираюсь по проходу, спотыкаюсь о чемоданы и мешки, меня толкают ногами, сумками, локтями.

— Женька!

Вспыхивает жёлтый фонарик спички. Я вижу пустую полку. Ну что ж, из вагона не выберешься. Спичка гаснет, а я уже лезу на полку.

— Женька! Женечка!

Кто-то хватается меня за ногу.

— Это ты, Егор?

— Это я, — говорю я.

— Кто «я»? — кричит человек.

— Генка, — отвечаю я.

— Какой там, к чертям, Генка! Давай слазь! Занято место.

Я лечу куда-то вниз, на чью-то корзину.

— Да что же вы с мальчиком-то делаете? — говорит женский голос. Это, наверно, меня защищают. Мамочка, вот хоть один человек нашёлся, который за меня заступился! Мамочка, вот я совсем один. . .

— Ты не плачь, мальчик, где мама твоя?

Но я не могу ответить. У меня в горле застряло что-то.

И вдруг цепкая рука хватается меня за воротник и толкает в проход.

Женщина сердится:

— Да что ж вы мальчонку-то затискали совсем!

И вдруг поезд трогается. И вдруг зажигается жёлтый-жёлтый свет. А кругом столько людей, столько людей, что пробраться некуда.

И вдруг я вижу — по проходу лезет Женька, лезет по чужим чемоданам, по чужим мешкам.

— Женька!

— Генка!

Он лезет ко мне, а я — к нему. А голова его под жёлтым светом такая рыжая, прямо золотая.

Прощай, Январск! Прощай, Январск!
Пробил последний час.
Пускай весёлый паровоз
Умчит в сраженья нас...

Все устраиваются спать. Кто где. Женщина говорит нам:
— Вы, ребятки, вот здесь на мешке приспособляйтесь. Это мягкий мешок.

Мы пробовали лечь, но лечь никак нельзя.

— Нужно отвыкать от удобств, — говорит Женька, — и сидя посним, ничего не случится.

Вагон скрипит. Жёлтый свет подмигивает. С верхней полки свешивается бородатая голова.

— Это которого же Генку я с полки спихнул? — спрашивает голова.

Женщина показывает на меня.

— Не ушибся? — гудит борода.

Я молчу. Женька зевает и говорит вверх:

— Ладно, утром поговорим.

Вдруг в вагоне стало светло-светло, просторно-просторно, а по проходу идёт Женька. На нём маршальская форма и усы, как у Будённого, только штаны короткие.

«Смотри», — показывает он в окно.

Окно большое-большое. Там луга, поля, и леса, и холмы. И там, по этим холмам и лесам, идёт женщина, и на ней зелёный плащ — длинный-длинный. И она смотрит на нас большими грустными глазами и что-то говорит, губами тихонько шевелит и кивает нам, кивает... И голова её где-то над облаками, а глаза прямо совсем рядом — большие и грустные.

И мы с Женькой бежим прямо к ней. Не бежим, а летим быстро-быстро.

И вдруг ничего нет. И её нет. И только мы с Женькой летим неведомо куда. И выходит из ворот дядя Юра и спрашивает:

«А билеты у вас где? А пропуск?»

И он толкает меня в плечо. Я открываю глаза. Какие-то люди стоят над нами. Большой фонарь качается передо мной.

— Билеты, пропуска! — гудят люди. — Поживее.

— Женька, Женька, билеты спрашивают.

Он никак не хочет открывать глаза.

Потом он всё-таки просыпается.

— Вы с кем, ребята, едете? — спрашивает военный.

— С папой, — говорит Женька. — Он там — впереди...

— Впереди? — хмурится военный. — Там вагонов нету, там паровоз.

— Он как раз на паровозе, — говорит Женька.

— Это, наверно, Игната Михайловича племянник. Он говорил нам, — произносит другой военный. — Ты племяш, что ли, Игната Михайловича?

— Конечно, племяш, — говорит Женька.

— А это кто же?

— Я тоже племяш, — говорю я.

— Так ведь у него один племянник-то.

— Нет, два, — спорит Женька.

Поезд вдруг останавливается. За окнами ночь. За окнами крики и суета.

— Вот что, ребята, — говорит военный, — давайте начистоту. Машинист вам не дядя? Правда?

— Правда... — вздыхает Женька.

— А вы ведь сами едете, одни?

— Одни...

— Вам ведь на фронт нужно?

— Конечно, — говорит Женька.

— Петров, — приказывает военный, — доставь-ка ребят в комендатуру. Пусть там разберутся.

И он уходит. А красноармеец Петров ведёт нас к выходу.

— Женька, — шепчу я, — что же теперь будет?

— Нужно бежать, — говорит он, — не отставай от меня.

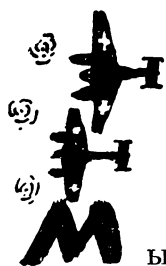
На подножке висят люди с корзинами, мешками. Их не пускают. Мы еле протискиваемся на платформу. Слышен резкий свисток. Бегут люди. У здания вокзала толпа. Шум.

— Стоять здесь, — говорит Петров, — чтобы никуда. Всё равно найду — хуже будет.

И он бежит в толпу.

— За мной! — командует Женька.

И мы бежим в другую сторону. Останавливаемся за вокзалом в каком-то сквере. Садимся на скамеечку. Скоро рассвет. Мы сидим и молчим. Что это за город такой? Далеко ли до Москвы?

*Глава пятая о том,
как продолжалось наше путеше-
ствие и чем оно закончилось*

Мы бродили с Женькой по железнодорожным путям, мимо всяких стрелок и семафоров, вагонов и паровозов и, наконец, дождались следующего поезда.

Мы уже научились пролезать в вагоны. Устроились в тамбуре и поехали.

Женька оставил меня с сумками, а сам полез по вагону. Он очень любопытный. Потом он вернулся.

— Я, — говорит, — весь вагон облазил. Люди друг на друге сидят. И все беженцы. Никто не хочет у фашистов оставаться.

— Правильно, — говорю я, — только почему они, Женька, в нашу сторону бегут? Им бы надо обратно, а они к фронту...

— Я тоже об этом думал, — отвечает Женька, — наверное, так перепугались, что все стороны перепутали... Одна старушка говорит: «Вот приеду в Январск — отдышусь немного. Уж туда-то войне не добраться...» Она, наверно, сумасшедшая. Сейчас много сумасшедших.

Женька сидит и свистит. У него это здорово выходит. Как лесная птица.

В тамбур пролезает какой-то дяденька. Он смотрит на Женьку и шевелит усами.

Я говорю:

— Он всё, что хотите, может просвистеть.

Но дяденька не смотрит на меня. Он говорит Женьке:

— Заткни-ка свой свисток.

Стучат колёса. Мелькают столбы.

— Скоро Москва, — говорит Женька.

Мамочка, а помнишь, как хорошо бывало по утрам, совсем-совсем недавно. Ты вставала, а я забирался в тёплую твою постель и притворялся, что сплю. А ты меня будила, щекотала и смеялась, и тут уж никак нельзя было сдержаться. И в комнате было почему-то всегда солнечно-солнечно. А свежего хлеба было столько, что ешь, ешь и всё равно не съешь, и масла было много, и сахару. А я, такой глупый, капризничал, обижался, что ты меня есть заставляешь.

— Женька, — говорю я, — ты съел бы сейчас батон, и даже без масла?

Но Женьки нет. Он опять лазит по вагону. Конечно, он съел бы, даже спрашивать нечего.

Стучат колёса. Мелькают столбы. Но их различить уже не просто. Наступает вечер.

Вдруг вагон сильно дёргает. Мы валимся на пол.

— Бомба! — кричит Женька.

Плачут дети. Над вагоном что-то скрипит. Поезд останавливается в степи.

— Бомба, — говорит Женька, — честное слово, бомбу бросили. С самолёта, наверно. Пошли смотреть.

Он открывает дверь, перелезает через спящих людей и спускается по лесенке. Я ползу за ним. А вдруг и вправду бомба? От неё ведь не спрячешься. Ходят какие-то люди, говорят вполголоса. Ничего понять нельзя. Идёт мелкий дождь. Впереди виднеется большое зарево. Оно колеблется. То расплзается, то исчезает. Оно то яркое-яркое, то розовое-розовое.

Кто-то говорит:

— Это Январск бомбили. Уже и сюда добрались, сволочи.

А я думаю: «Как же это Январск? Ехали-ехали и всё ещё Январск? Может быть, это Москва?»

И вдруг мы слышим со стороны зарева глухо: бум, бум, бум...

— Это Москва? — спрашиваю я.

— Это Январск, — отвечает Женька. — Старушка-то совсем не сумасшедшая была. Ехали мы с тобой в обратную сторону. Опять к дяде Юре приехали.

Идёт дождь. И снова слышно: бум, бум, бум...

Женька шепчет мне:

— Генка, а что, если это наша мина грохнула?

— Она же не настоящая, — тоже шёпотом отвечаю я.

— Мало ли что не настоящая, а вот как рванула, и всё на кусочки.

Вдруг кто-то противным голосом закричал:

— Ой, ой, ой... разбегайтесь все... сюда летят!..

И сразу все побежали, заголосили.

— Ложись!

Все бросились кто куда. Мы с Женькой тоже упали

в траву. Вдруг стало тихо-тихо. И тогда мы услышали прямо над головой: ууу... ууу... ууу...

— Вот они, — сказал Женька.

Кто-то ткнул его в бок:

— Тише ты, чёрт...

Невидимые самолёты погудели над нами и затихли.

— Пожалели, — всхлипнул женский голос.

А какой-то хриплый мужской ответил:

— Бомбы кончились, а то бы они тебя «пожалели»!

Медленно-медленно приполз наш поезд в Январск. Вот какие мы путешественники — заблудились. Кто-нибудь узнает, смеяться будет.

На перроне вокзала полным-полно красноармейцев, и все с винтовками, с сумками, со скатками. К нашему поезду сразу подбежали какие-то военные люди.

— Товарищи, город на осадном положении. Предлагаем всем эвакуироваться дальше!

Тут поднялся страшный шум. Все кричали что-то, а

что — не поймёшь. Мы с Женькой соскочили и побежали в город. Нас никто не заметил.

Мы остановились у самого дома дяди Юры. Отдышались.

— Войдём? — спросил я.

Женька закрутил головой.

— Нельзя. Посидим-ка посмотрим.

На другой стороне улицы — кусты, лавочка. Вот мы садимся на эту лавочку и смотрим. На улице ни души. Тихо. Жарко. Где-то далеко всё время: бум, бум, бум. Вот открываются наши ворота, и выходит дядя Юра. Он в том же сером потрёпанном пиджаке и в старых рыжих брюках. Он оглядывается по сторонам и медленно идёт вдоль забора и скрывается. Проходит, наверно, час, а может быть, и больше. Снова скрипят ворота, и мы видим тех самых беженцев, женщину с детьми, которых поселили в нашем доме. Женщина несёт вещи, а дети бегут за ней следом.

— Снова эвакуируются, — шепчет Женька.

А у меня получаются такие стихи:

Уходят они без оглядки,
Спешат неизвестно куда...
Их путь ожидает негладкий...
.....

Одна строчка опять не получилась.

Женька сказал:

— Но они всё перенесут, а Красная Армия скоро разобьёт врагов и поможет всем женщинам и детям.

Я засмеялся.

— Это же не стихи.

— Ну и пусть не стихи, зато правда. Ты думаешь, что твоими стихами можно врага разбить?

— Я не думаю, — сказал я, но мне стало грустно.

Женьке раньше очень нравились мои стихи, а теперь почему-то нет.

— Ты видел, как самый маленький за матерью бежал? — спрашивает Женька. — И куда они пойдут?

— Наверно, сядут в поезд и подальше уедут.

— В поезд... — ворчит Женька, — а если поезд больше нет? А если вот-вот танки в город ворвутся? Тогда?

— Не знаю, — говорю я.

— А я знаю, — говорит Женька. — Им прямая дорога в партизанский отряд. Женщина будет стирать, а дети — в разведку.

Я не поверил. Женька обиделся.

— Как же они, такие маленькие, в разведку будут ходить?

— А вот и будут, вот и хорошо, что маленькие...

Мы молчим. Долго молчим. Мы видим, как возвращается дядя Юра и исчезает в воротах. Потом мимо нас тарыхтит грузовик, до краёв нагруженный всякой мебелью и узлами, а на самом верху сидит девушка с перепуганным лицом.

Вдруг грузовик останавливается. Шофёр вылезает и начинает быстро-быстро бегать вокруг машины, то в мотор лезет, то к колесу бросается.

Мы слышим уже совсем близко: бум, бум, бум... Девушка волнуется, спускается вниз и ходит вслед за шофёром. Да разве этим поможешь!..

Проходит какая-то женщина, останавливается, говорит:

— Много добра везёшь.

— Да разве это моё?! — оборачивается девушка. — Это же детского дома, а тут вот с мотором ерунда.

— А ты плюнь да беги, — говорит женщина, — сейчас страна гибнет, а ты столы спасаешь.

У девушки такое печальное лицо.

— Куда же я побегу? — спрашивает она.

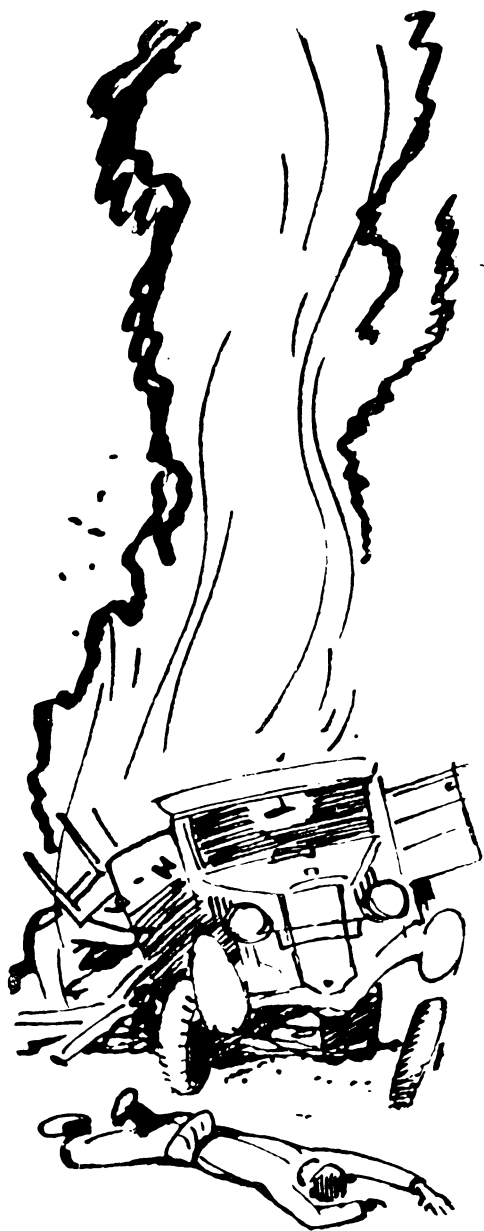
И вдруг снова: бумм! Да так сильно, что я пригнулся.

— Бываливай, слышишь! — закричал шофёр и снова полез в мотор. Но мотор молчал. Шофёр увидел нас. — Ребятки, — сказал он, — подтолкнём машину, а?

— Давай, — сказал Женька.

Мы толкали, толкали, и всё впустую. И мы отошли. А шофёр заругался и полез в кузов и стал сбрасывать мебель.

Я никогда раньше не думал, что столы могут взрываться.

а вот ведь взрываются. Такой небольшой обыкновенный стол, и едва он коснулся земли, как что-то треснуло, охнуло, и меня толкнуло в плечо. и я ничего больше не видел, а когда открыл глаза — понял, что лежу возле кустов. Колыхался чёрный дым. Возле машины лежал шофёр. Неподвижно.

— Генка, — услышал я, — ты живой?

Ко мне полз Женька. Я показал на шофёра. У Женьки скривилось лицо.

— Давай куда-нибудь залезем, — сказал он.

— Боишься?

Он рассердился:

— Чего мне бояться!..

Не хочу глупо умирать.

А шофёр лежит. Вот только что ругался, ходил. Нам сказал «ребятки...». А сейчас лежит. Под ним на траве — пятно.

— Давай за кусты лезь, — говорит Женька. А лицо у него бледное-бледное.

— Женья!..

— Лезь!..

А шофёр лежит...

Дым рассеялся. Вместо нашего забора мелкие кусочки валяются. И там стоит дядя Юра.

— Идите в погреб, — печально проговорил он и даже не спросил, где это мы пропадали.

*Глава шестая о том,
как мы с Женькой
все-таки на фронт попали*

Аобрые жители Январска! Вас мало осталось в городе. Большинство ночует где-то по дорогам, просится где-нибудь на ночлег, ждёт кого-то, кого-то оплакивает.

Вас мало в городе, и мы с Женькой не знаем, какие вы. Всё перепуталось, перемешалось. Вот мы хотели на фронт, а он сам к нам пришёл. И очень скоро.

В погребе я придумал такие стихи:

Фронт приходит к нам,
Догоняет нас война...

.....
Ждёт геройских дел страна,
А в погребе течёт вода,
И мы уйдём, уйдём,
И не вернёмся мы сюда
Ни ночью и ни днём.

— В погребе сухо, — сказал Женька. — И всё ты выдумываешь.

А я промолчал. Я ему эти стихи и не показывал. Это он просто через моё плечо заглянул.

Вошёл дядя Юра, сказал:

— Никуда не выходить, — и ушёл.

А мы с Женькой переглянулись, погасили коптилку и полезли в дверь. На дворе никого не было.

— Лезем на чердак, — предложил Женька.

На чердаке душно. Пахнет пылью. Чердак большой и тёмный. Там всякие закоулки, столбы, балки, и трудно сразу привыкнуть. Но мы торопимся к слуховому окну. Под нами — двор и разбитый забор. На улице тот же грузовик. И тот же шофёр лежит рядом. Неподвижно. И дядя Юра торопится к дому, увешанный узлами и стульями.

— Грабит, — шепчет Женька, — это называется мародёрство.

А за дядей Юрой торопится с узлами Фёдор Тышкин. Фельдшер. Дурак ужасный.

В городе тихо-тихо. Никто не стреляет, не кричит. Только очень противно пахнет гарью. А шофёр лежит...

А мы с Женькой смотрим из слухового окна на жёлтые листья. Они кувыркаются на ветру, как акробаты в цирке. И всё через голову, через голову.

Летят листья, как в Москве осенью. Тишина, и небо голубое. И как будто никакой войны и нету. Но шофёр лежит.

Женька сопит и роется в карманах.

— Хочешь, Женья, про Москву поговорим?

Но он не слышит. Он роется в карманах. Потом достаёт бумажки — смятые, жалкие.

— Вот, — говорит он, — это наши удостоверения. А ты, товарищ подполковник, сидишь на чердаке и ни о чём не думаешь...

И он качает головой. Совсем как взрослый.

— А была бы граната хоть какая-нибудь, — говорит Женька, — мы бы с тобой, Гена, эту злую собаку Ю. А. Королькова грохнули бы за мародёрство, а?

Я молчу.

— Давай думать, — бубнит Женька, — давай думать. А то скоро война кончится, а мы с тобой так и просидим на чердаке.

Мы садимся спинами друг к другу. Ветер гонит сухие листья. И вдруг мы слышим грустный, одинокий крик паровоза.

Паровозы очень жалобно кричат,
Убежать отсюда все они хотят,
Нам бы тоже вместе с ними убежать,
Партизанскую судьбу свою начать...

В городе тихо. Женька говорит:

— Наши ушли, Генка. Смотри, вот-вот фашисты появятся. Ворвутся на мотоциклах и давай расстреливать, и давай, и давай...

Я молчу. Страшно. Женька выглядывает в слуховое окно.
— Пока никого не видно.

Мы спускаемся в дом. Мне всё время кажется, что кто-то стоит за моей спиной. Дядя Юра в новом костюме стоит у окна, тётя Аня в новом платье — у другого. Они смотрят на улицу. На столе лежит румяный каравай, на нём — солонка с солью. Я глотаю слюни. Мы стоим с Женькой на пороге и боимся сделать шаг. Хоть бы кто-нибудь крикнул или топнул бы. Дали бы нам с Женькой по большому куску от этого каравая. А ещё бы хорошо с колбасой.

Женька тихонечко поворачивается. Я — за ним. Мы идём в кухню. Мы молча едим всё, что

нам попадаетея: корки какие-то, капустные листья и остатки пшённой каши. Капустные листья с солью — это здорово. Кончится война, возьму целый кочан, пачку соли, сяду где-нибудь в удобном месте и всё съем. Медленно буду есть. Долго.

— Ты боишься? — спрашивает Женька.

— Нет, — говорю я, — совсем мне и не страшно.

Это я его подбодрить хочу.

— А мне страшно, — говорит он, — как поймают, как головой об столб дадут...

Вот и вечер наступил. И опять эта тишина. Мы снова заглядываем в комнату. Там никаких изменений.

— Может, они умерли? — спрашиваю я.

Женька манит меня за собой. Мы выходим на крыльцо. Дождичек идёт, а на скамеечке, прямо под дождичком, в зимней шапке, в начищенных сапогах, сидит Тышкин и молчит, и тоже смотрит куда-то далеко, и чуть голову наклонил, словно прислушивается.

— Товарищ Тышкин, — спрашивает Женька, — вы что это в зимнее нарядились?

— Гусь свинье не товарищ, — не оборачиваясь, отвечает Тышкин. А лицо у него важное-важное.

— Ах, извините, — говорит Женька, — а вы за красных или за белых?

— А мне всё равно, — говорит Тышкин, — мне хоть синие.

Он встаёт и начинает ходить по двору, а Женька говорит:

— Слушай, Генка, я придумал такую штуку, что немцы не рады будут, что в Январск сунулись. Мы их всех, и злую собаку Королькова, и Тышкина, — в дохлятину превратим. Мы с тобой, Гена, пустяками занимались: в маршалы играли, мину дурацкую делали. Ты ведь знал, что она не взорвётся, ведь знал? Что ж не говорил ничего?

— Я думал, взорвётся... — говорю я.

Женька смотрит на меня с презрением.

Тышкин ходит и ходит.

Женька шепчет:

— Возьмём верёвку, сделаем петлю, намылим и вечером у дверей повесим, и порог намылим. Злая собака приходит — и головой в петлю. Хочет подняться, а под ногами скользко. А Федьку Тышкина немцы расстреляют: подумают, что он виноват. А потом разберутся, в чём дело, и начнут друг в друга стрелять.

Я вспоминаю его слова: «Что ж не говорил, что мина не взорвётся?»

— Ничего не получится, Женья. Смешно даже, чтобы взрослый человек сам себя повесил...

— Ах, смешно?!

У него злые глаза.

— Ты только и умеешь стишки писать! Пиши, пиши!

С Женькой спорить нельзя. А может быть, он и прав.

— Товарищ Тышкин, — спрашивает Женька, — что лучше — осень или лето?

— А мне всё равно, — бормочет Тышкин, а сам всё прислушивается, даже ногу отставляет в сторону, как гончая собака.

В Январске тишина. А мы сидим с Женькой за сараем и намыливаем петлю.

— Вот уж петелька, ну и петелька, — шепчет Женька, — головой попадёшь — не воротишься.

— Женька, — говорю я, — а вдруг он и в самом деле удавится? Ведь страшно, а?

— Страшно, — говорит Женька. — А мы смотреть не будем, мы на станцию убежим.

Уже совсем ночь. Я смотрю на белую рубаху Тышкина и придумываю такие стихи:

Ходит Тышкин вдоль забора, сторожит.

Сторожит он, сторожит он и дрожит,

А вокруг его башки петля кружит.

Женьке очень нравятся эти стихи. Он даже последнюю строчку придумывает:

— А было бы побольше верёвки, мы бы для каждого фашиста сделали бы по петле. А злая собака Корольков всё равно попадётся.

 Глава седьмая о том,
как всё это кончилось

Всю ночь была тишина. Мы с Женькой сидели, сидели. Всё сторожили, не заметили, как и заснули. А утром услышали — тарыхтит что-то.

Подбегаем к окнам. По улице — пыль столбом. Грохот стоит. Танки идут. Самые настоящие. С пушками. Я смотрю на них, а сам почему-то думаю о Тышкине: «Бедный фельдшер! Ждал-ждал фашистов, встретить хотел, да проспал». Тышкина-то во дворе нету.

А танки фашистские идут. И небо серое-серое.

А дядя Юра у окна стоит, словно всю ночь так и не отходил. Только костюмчик на нём не парадный, а старенький, потёртый. А тётя Аня у другого окна стоит. Тоже в стареньком.

Женька тычет меня в бок. Я пожимаю плечами. Мы ничего не понимаем. А танки идут и идут. А за ними грузовики. И в них солдаты сидят, все в стальных касках, а некоторые даже в пилотках, как наши. Я прижимаюсь к Женьке. А он говорит мне шёпотом:

— Перестань ты трястись!

А я не трясусь. Это он трясётся. Я только что сам ему об этом сказать хотел.

А танки идут. И грузовики идут. Тогда я оборачиваюсь и смотрю на стол. А на столе — ни каравая, ни ска-терти.

— Женья, — шепчу я, — каравай-то съели.

Он смотрит на меня с сожалением. Наверно, я опять что-то не так сказал.

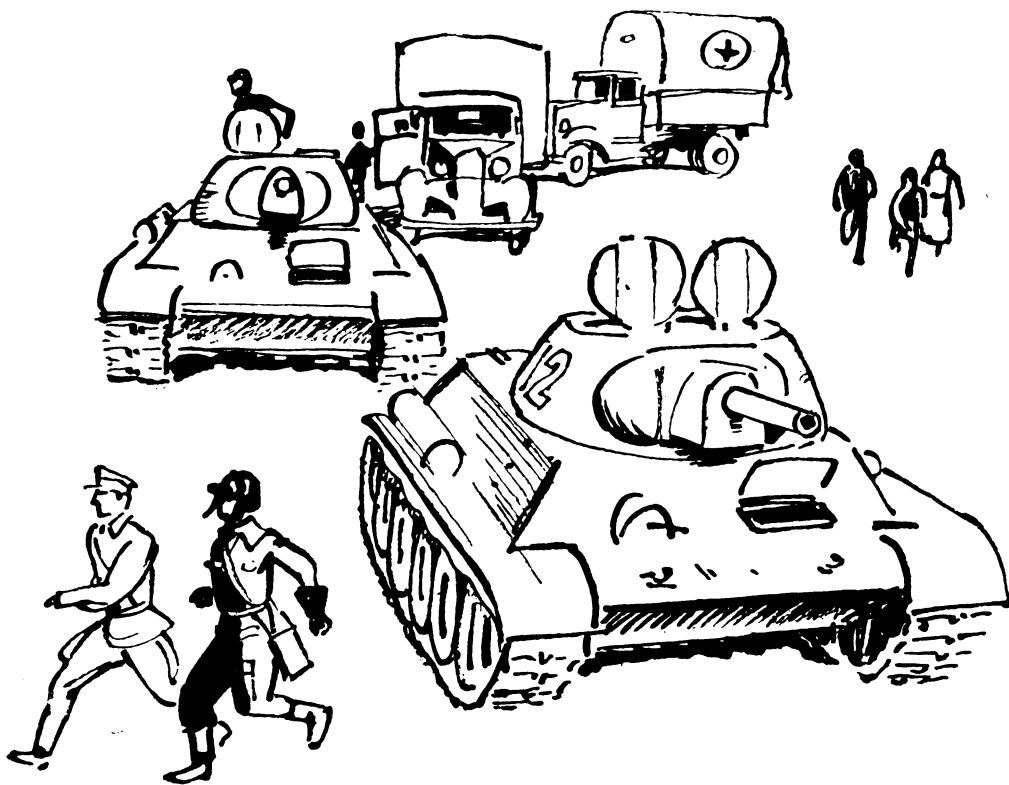
А танки идут. И мы ничего сделать не можем. Ничего. Вот будем так стоять и ждать. Пока не войдут фашисты... А когда они войдут, дядя Юра укажет на нас: «Вот они...»

— Бежим на чердак, — говорит Женька, — бежим!

Вдруг один из грузовиков останавливается у нашего дома. За ним другие... Выпрыгивают фашисты, показывают на наш дом руками...

— Бежим! — говорит Женька. — Поздно будет!

...Фашисты бегут к нашему дому... Вот сейчас всё и произойдёт. Сейчас, сейчас...

— Слава богу, — говорит дядя Юра, — дождались своих. Каких своих?.. Ну да, он ведь ждал их...

Женька дёргает меня за руку и толкает совсем к окну. Я прямо лбом в стекло упираюсь.

— Смотри, смотри!..

... Что «смотри»?.. Фашисты к крыльцу подбегают, и дядя Юра выходит к ним навстречу.

И вдруг, как будто туман рассеялся, и я вижу на касках у солдат звёзды пятиконечные!

— Женька, да это же наши!

Но Женька уже выбежал на крыльцо, и я — за ним. И кричу:

— Давай, давай!

А первый (командир, наверно) говорит мне:

— Ты чего кричишь, пацан? Доктор-то здесь живёт?

— Здесь, — говорит дядя Юра.

А я ничего не понимаю. Какой доктор? Ах, да это же Корольков — доктор. Злая собака Корольков. Но он ведь предатель!

— Я зубной врач, — улыбается дядя Юра.

Командир говорит:

— Это неважно. Перевязки делать умеете?

— Ну конечно, — мычит Корольков.

— Вот мы у вас пока раненых и разместим. Скоро госпиталь придёт, тогда заберём.

— Да что вы, — говорит дядя Юра, — выходим. Это наш долг. Ради вашего возвращения хотя бы. На радостях.

Командир идёт к машинам, а оттуда уже несут носилки с ранеными красноармейцами. А мы с Женькой бежим за командиром.

— Товарищ командир... — говорит Женька.

Но тот отмахивается:

— Некогда, пацаны, некогда.

«Так ведь они предатели!» — хочу крикнуть я. Женька молчит.

Я вижу: удаляется командир. А раненых несут, несут.

И Тышкин несёт. И тётя Аня несёт. Носилки втекают в двери.

Мы с Женькой стоим в стороне. Всем словно не до нас. И ходит командир возле машины. Что-то говорит. И не знает ведь, что это предатели раненых на носилках носят. Вот дядя Юра держит носилки и идёт на цыпочках, украдкой идёт.

— Женька, — говорю я, — как же это никто их не схватит?

Женька бледный стоит. Губы у него дрожат. Он, наверно, придумает сейчас что-нибудь. Он ведь всё может. Сейчас, сейчас... Вот только ещё немного разозлится...

— А ну-ка, ребятки, — говорит нам дядя Юра, — бегите-ка в дом, подежурьте-ка. Может, дать кому чего нужно. Ну-ка быстренько!

Раненые лежат в комнате прямо на полу, на своих шинелях. Они стонут.

Мы с Женькой носим воду, помогаем делать перевязки. И мы молчим. А раненые стонут.

— Женька, — говорю я, — как же их никто не схватит? Ведь они предатели...

Но Женька молчит. И губы у него дрожат. А что, если подойду я к командиру и всё ему расскажу?.. Но командир, оказывается, уже уехал. И все уехали. Только дядя Юра делает перевязки, и тётя Аня ему помогает... А Тышкин исчез неизвестно куда.

— Может быть, другого командира найти? А, Жень? Как ты думаешь?..

— Для чего? — как во сне спрашивает Женька.

— Всё ему рассказать про них. Как они немцев ждали. Каравай пекли...

— А откуда тебе известно, что для немцев?

— Как — откуда? А ты разве не видел?

— Я-то видел... Да никто больше не видел...

— Мы докажем, докажем...

Но Женька не отвечает мне. Что-то я, наверно, опять не так сказал. И вот ведь что удивительно: ничего не могу придумать такого, чтобы доказать. Ничего.

— А как они нарядились. Всё фашистов ждали.

— А может, наших ждали.

— И каравай нашим пекли?

— Может быть, и нашим.

— А смеялись, что наши отступают... Смеялись ведь?

— Ну, смеялись, ну, смеялись... А наши-то отступали? Отступали или нет?..

Но я ещё поспорю. Не может быть, чтобы так вот и прошло всё...

Три дня спустя мы стояли с Женькой на крылечке. Ра-

ненных давно уже увезли в тыловой госпиталь. Командование объявило дяде Юре благодарность.

Но немцы снова подходили к Январску. И опять артиллерийская канонада. И листья уже летели с деревьев не на шутку. Вот какая-то звезда упала, словно подбитый самолёт. И снова ударил глухой разрыв. И снова лист полетел с дерева. Это уже, кажется, последний лист. И снова звезда упала... А может быть, это была вовсе и не звезда, а ракета.

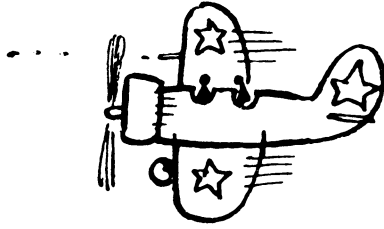
— Знаешь, — сказал Женька, — вот я не я буду, а Королькова на чистую воду выведу.

— И я не я буду, а тоже постараюсь хорошенечко, — сказал я.

— Мы ещё повоюем, Генка.

— Мы ещё повоюем, — сказал я.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава первая</i> о том, как всё началось	3
<i>Глава вторая</i> о том, как мы с Женькой чуть было не стали маршалами	8
<i>Глава третья</i> о том, как трудно всё-таки быть самостоятельным	14
<i>Глава четвёртая</i> о том, как началось наше путешествие и как оно протекало	24
<i>Глава пятая</i> о том, как продолжалось наше путешествие и чем оно закончилось	30
<i>Глава шестая</i> о том, как мы с Женькой всё-таки на фронт попали	37
<i>Глава седьмая</i> о том, как всё это кончилось	42

Для младшего школьного возраста

Окундава Булат Шалвович

ФРОНТ ПРИХОДИТ К НАМ

Повесть

Ответственный редактор *Л. И. Доукиа*. Художественный редактор *С. К. Пушкова*. Технический редактор *Т. Д. Юрханова*. Корректоры *Э. Л. Лофенфельд* и *С. П. Мосейчук*. Сдано в набор 20/1 1967 г. Подписано к печати 26/IV 1967 г. Формат 70×90^{1/16}. Печ. л. 3. Усл. печ. л. 3,51. (Уч.-изд. л. 2,82). Тираж 100 000 экз. ТП 1967 № 245. Цена 11 коп. на бум. м/мел. Издательство «Детская литература». Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика «Детская книга» № 2 Росглаволиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Ленинград, 2-я Советская, 7. Заказ № 20.

11 коп

